

Поездка, которую спланировал Чжоу Минхуэй, ожидаемо оказалась обычным отпуском.

И снова — океанариум. Прошлый визит оставил у него слишком кислый осадок: там даже до натянутого прощания не дошло, приятный сюрприз обернулся чистым кошмаром. Нынешняя попытка должна была стереть те досадные воспоминания.

Вот только компания, которую теперь таскал за собой Чжоу Лань, никак не вписывалась в толпу обычных праздных туристов. Пришлось генеральному директору пойти на первую в этом мире действительно крупную и расточительную трату — выкупить павильон медуз на весь день.

— Хм, и всего-то павильон медуз? — Хэнин, вошедший следом, задрал голову, провожая взглядом плывущий над ними полупрозрачный купол, и изогнул бровь. — А я-то думал, ты весь океанариум арендуешь.

Чжоу Лань несильно пихнул его мыском сапога сзади.

Тоже мне, шутник. Этот океанариум считался самым известным и огромным на всей планете, а уж местный зал с медузами и вовсе поражал масштабами. То, что Чжоу Минхуэй умудрился забронировать его целиком, Чжоу Лань уже счёл типичным проявлением замашек властного босса. Минхуэй ведь поднялся сам, с нуля, и сейчас, когда его дело только вставало на ноги, каждая копейка была на счету. Чжоу Лань не хотел, чтобы тот сорил деньгами по пустякам.

Но когда вчера он попытался намекнуть на это, генеральный директор лишь сухо отрезал: «Оплачено, возврату не подлежит», — и наотрез отказался менять планы. Чжоу Ланю оставалось лишь смириться и получать удовольствие.

— Человек всё построил своими руками, чего ты зубоскалишь? — заступился за Чжоу Минхуэя Чжоу Лань. — Не всем же быть похожими на твоих волчат, которые и без гроша в кармане вечно сыты и довольны.

Чжоу Минхуэй стоял чуть поодаль. Он промолчал, но в его глазах промелькнула едва заметная, тёплая искра.

Язвительные шпильки Хэнина его не задевали. Чжоу Минхуэй давно навёл справки о соперниках: если бы их можно было уязвить подобной чепухой, они бы здесь не стояли. Но то, что Чжоу Лань неожиданно взял его под защиту, стало приятным сюрпризом.

«Если подумать... разве это не банальная ревность? Смешно, конечно, когда взрослые, сильные мужчины устраивают подобные детские сцены. И всё же...»

Чжоу Минхуэй, всегда славившийся ледяным самообладанием, сейчас не мог подавить глупую

радость от того, что Чжо Лань выбрал его сторону.

Впрочем, Хэнин просто маялся от безделья и искал повод почесать языком. Он фыркнул:

— Ой, можно подумать, только у меня есть за спиной клан. Вон, там, куда ты собираешься лететь, у некоторых целые деревья колосятся.

— И к чему это? — Чжо Лань вскинул брови. — Наш Кровный клан вообще прошёл через генетическое вырождение — считай, массовое самоубийство устроили. Тоже мне, великое достижение — иметь живую родню.

— Ну, ты-то как раз не совсем сирота... — Хэнин покосился на стоявшего поодаль Гейлардвилья.  
— К тому же разве ты сам не поднялся с самых низов?

Если Хэнин и Шикалеш опирались на мощь своих семей, а Феодоро и Альша умело использовали бывшие ресурсы для обмена, то Гейлардвиль теперь бессовестно примерил на себя роль иждивенца при собственном потомке. Получалось, что Чжо Лань, Чжоу Минхуэй да отсутствующий Анно действительно пробивались сами, довольствуясь лишь тем малым, что выделял им палеонтологический институт.

— Ну почему же, мой замок конфисковали, так что стартовый капитал у меня имелся. К тому же мне фактически даром достался Цзян Ихун, — Чжо Лань не хотел сгущать краски и шутливо добавил: — И вообще, моя смазливая мордашка — это тоже отличный первоначальный ресурс, не находишь?

— Да уж, с таким лицом твой старт действительно можно назвать заоблачным, — хмыкнул Хэнин, уловив его нежелание углубляться в серьёзные темы. — Ладно, любуйся своими медузами. Помню, как ты радовался, когда мы ходили на погружение. Тебе вообще стоило родиться тритоном.

— В океанских глубинах темно как в могиле, чего там весёлого, — буркнул Чжо Лань и, решив прекратить пикировку, завороченно уставился на стеклянный резервуар.

Гейлардвиль никогда прежде не видел ничего подобного. Он не спускался на морское дно и уж тем более не разглядывал его обитателей сквозь толстенное стекло. С его точки зрения, люди были удивительными существами: жили до смешного мало, вечно маялись от безделья, но при этом умудрялись изобретать невероятные глупости. Тащить морских тварей на сушу, строить для них эти колоссальные резервуары и тратить прорву сил ради одного только праздного взгляда... Немыслимо. И всё же в этом зрелище крылось некое странное очарование.

Представитель Третьего поколения Кровного клана, когда впервые услышал о предложении «посмотреть на рыбёшек», лишь внутренне усмехнулся — глупее затеи не придумаешь. Но теперь, стоя в полумраке, пронизанном неоновым сиянием, и наблюдая за неспешным танцем медуз в лазурной толще воды, он поймал себя на мысли, что не может отвести глаз.

Он бесшумно шагнул ближе к Чжо Ланю и, не отрывая взгляда от скользящих в воде куполов, негромко спросил:

— И тебе действительно нравится часами стоять столбом только ради того, чтобы глазеть на это?

— Разве это не прекрасно? — Чжо Лань даже не подумал обидеться на подколку. Он продолжал следить за тончайшими щупальцами. — Посмотри на них. Каждая уникальна, некоторые даже светятся изнутри. Они просто плывут по течению, не обременённые ни мыслями, ни чувствами. А когда приходит срок, они просто растворяются в океане. Уходят налегке, не оставляя после себя ни боли, ни забот. Никакой суеты.

Гейлардвиль искоса глянул на него:

— Забавные при жизни, незаметные в смерти?

— Дело не в забаве, — тихо отозвался Чжо Лань. — Вся их прелесть в этом абсолютном безразличии к миру. Они лениво парят в воде, и от одного взгляда на них на душе становится спокойнее. Ладно, тебе этого не понять, Кровный клан ведь не ведает душевных хворей... — Он замолчал на мгновение, а затем увёл разговор в сторону: — Знаешь, я тут вспомнил... В земных океанах водится особый вид акул. Они могут жить по пятьсот, а то и по шестьсот лет.

Для представителя Третьего поколения Кровного клана, чей возраст исчислялся веками, такая цифра не значила абсолютно ничего. Он лишь равнодушно спросил:

— И что с того?

— А то, что эта акула всю свою долгую жизнь проводит в кромешной тьме на самом дне, — ответил Чжо Лань. — Ей неизвестно, какие бури бушуют на поверхности, как сменяются эпохи на суше. Для неё каждая секунда, каждый век — одинаковы и неотличимы от предыдущих. Как думаешь... если бы у смертного человека, обречённого на жалкие несколько десятков лет, был выбор, согласился бы он променять свою яркую, короткую жизнь на эти глухие, холодные столетия на дне океана?

— Бессмысленный спор, — ровно произнёс Гейлардвиль. — Ты не человек и не акула. Тебе никогда не узнать, чего бы они пожелали на самом деле.

Чжо Лань перевёл взгляд на Чжоу Минхуэя. Тот негромко обронил древнюю философскую истину:

— Постигнув истину поутру, не страшно умереть и на закате.

— Ого, как глубоко, — Чжо Лань негромко похлопал в ладоши, а затем снова обернулся к

прародителю: — Вот видишь. Смертные знают, как краток их век, и потому спешат жить здесь и сейчас. Радость сменяется скорбью, амбиции порождают тревогу. А созерцание медуз — это просто способ ненадолго замедлить этот бешеный бег, дать уставшему разуму передышку. Так что не ищи во всем скрытый смысл.

Чжоу Лань говорил легко, перепрыгивая с темы на тему, словно это был самый обычный досужий трёп. Однако у всех стоявших рядом мужчин внутри зашевелилось смутное предчувствие: в его словах крылся какой-то двойной, ускользающий подтекст.

— А ты? — тихо спросил Чжоу Минхуэй, пристально вглядываясь в его профиль. — Ты сейчас счастлив?

— Ха-ха, господин Чжоу, твой вопрос напомнил мне одну старую шутку из Звездной сети, — Чжоу Лань весело фыркнул и обернулся к нему: — «Вы счастливы?» Так, кажется, там спрашивали?

Чжоу Минхуэй не отвёл взгляда. В его тёмных глазах отражались синие блики аквариума.

— Вполне. Но я сделаю всё, чтобы стало ещё лучше. А ты?

— Я? — Чжоу Лань опустил ресницы, на его губах промелькнула едва заметная улыбка, и он вновь поднял глаза к мерно колышущейся воде: — У меня всё слишком хорошо. Настолько, что это даже пугает...

Мужчины мгновенно подобрались.

В памяти большинства из них Чжоу Лань всегда оставался ярким, капризным, уверенным в собственной неотразимости существом. Казалось, он искренне верил, что весь мир обязан крутиться вокруг него, а любые подношения и обожание — лишь его законная дань. Никто никогда не замечал в нём неуверенности или страха оказаться недостойным полученного блага. Его эгоизм казался врождённым, абсолютным. Но на самом деле всё было гораздо сложнее.

Гейлардвиль помнил его другим. Много веков назад, когда он спас умирающего юношу и даровал ему Первое обьятие, Чжоу Лань, едва оправившись и встав на ноги, первым же делом пришёл к своему создателю с одним-единственным вопросом: «Что я должен отдать тебе взамен?»

Долгое время после этого новообращённый член Кровного клана вёл себя так, словно ежеминутно был готов расплатиться за спасение собственной жизнью. Он постоянно пребывал в каком-то растерянном оцепенении, не веря собственному счастью.

«Неужели всё это наяву? Неужели я не сплю?»

Прародитель не раз ловил его на том, что парень бормочет себе под нос, проверяя, не спит ли он. Малыш Чжо Лань искренне не понимал, за какие заслуги ему досталось бессмертие, почему его создатель — грозный представитель Третьего поколения Кровного клана — относится к нему с такой отеческой мягкостью, и как он, стоявший одной ногой в могиле, вдруг обрёл жизнь, о которой не смел даже грезить.

Роскошь, которой окружил его Гейлардвиль, ничуть не уступала заботе интеллектуального дворецкого Алекса, а в чём-то даже превосходила её. Чжо Лань просто не мог уложить в голове, как судьба умудрилась преподнести ему такой щедрый подарок... да ещё и дважды за одну жизнь.

Гейлардвиль прекрасно знал о его внутренних демонах. Потребовались долгие годы, чтобы выбить из этого запуганного, дрожащего зверька вечный страх и превратить его в дерзкого, уверенного в себе хищника. Но сегодня старая рана Чжо Ланя внезапно открылась вновь.

В отличие от остальных, прародитель сохранял абсолютное спокойствие. Он мягко, но крепко сжал ладонь Чжо Ланя в своей руке и негромко произнёс:

— Ничего не бывает слишком хорошим для тебя. Ты заслуживаешь всего этого.

Чжо Лань удивлённо повернулся к нему.

— Не забивай себе голову. У каждого своя мера вещей, — продолжал Гейлардвиль. — Никто не требует от тебя клятв или немедленной платы. Тебе не нужно нести этот груз. Но если тебе тяжело — не держи в себе, делай всё, что считаешь нужным, чтобы сбросить это напряжение.

С этими словами прародитель поднёс его руку к губам и запечатлел на тыльной стороне ладони невесомый поцелуй:

— Я всегда буду на твоей стороне, ты же знаешь. Тебе нечего бояться. Пока я жив, я со всем разберусь.

Чжо Лань мягко улыбнулся:

— Что бы ни случилось, мне действительно можно не бояться?

— Разумеется.

— Что ж, тогда я отброшу все страхи и буду идти только вперёд, — Чжо Лань тихо рассмеялся, перехватил руку Гейлардвилля и в ответ поцеловал его пальцы. — Я со всем разберусь.

Остальные мужчины лишь хмыкнули, решив, что Чжо Лань просто в шутливой манере передразнил пафосную фразу своего создателя. И только сам Чжо Лань до конца понимал истинный, пугающий смысл собственных слов.

\*\*\*

Попрощавшись с Чжоу Минхуэем, Чжо Лань дождался, пока их скоростной лайнер наберёт высоту, и при первой же возможности проскользнул в кабину виртуального подключения, чтобы снова уйти на просторы Звёздной сети.

На этот раз его никто не удерживал и не читал нотаций. Чжо Лань не придавал этому значения, не подозревая, что пока он разыскивает в виртуальном пространстве Алекса, остальные его спутники устроили на просторах Звездной сети собственное, тайное совещание.

Не хватало только командира Анно — тот сейчас всю координировал спасательную операцию на дальних рубежах, и ему было явно не до пустой болтовни с соперниками.

Впрочем, его отсутствию никто не огорчился: Анно и раньше не отличался особой разговорчивостью. Так что экстренное собрание в формате «шесть минус один» началось без лишних церемоний.

— С ним творится что-то неладное. И это факт, — первым нарушил молчание Хэнин. — Мало того что он сокрушается, будто мы носим его на руках, так ещё и сам в последнее время стал подозрительно покладистым. С чего вдруг такая небывалая щедрость на ласку?

Гигантский дракон Феодоро искоса взглянул на него:

— А что, раньше он обходился с тобой как-то иначе?

— Я не собираюсь лаяться с тобой, давай ближе к делу, — огрызнулся Хэнин. — Он обходит нас по очереди, со всеми нежен и ласков. Это что, какая-то прощальная раздача милостыни?

— Он явно что-то скрывает от нас, — веско обронил Гейлардвиль. — И это очевидно любому зрячему. Беда в том, что клещами из него правду не вытянешь.

— Если не хочет говорить — не нужно, — раздался холодный, ровный голос Бога демонов. Альша говорил неторопливо, но в каждой его фразе сквозила непреклонная, сокрушительная сила: — Главное — держать его в поле зрения. Никуда он от нас не денется.